

УДК 159.972

ОБЛОМОВ, ИЛИ ТЮРЬМА ЛЮБВИ

© 2018 г. А. Ш. Тхостов

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; 125009, Москва,
ул. Моховая, д. 11, стр. 9, Россия.
Доктор психологических наук, зав. кафедрой нейро- и патопсихологии факультета психологии.
E-mail: tkhostov@gmail.com*

Поступила 24.09.2017

Плохо и рано быть так сильно любимым в юности...
Вместе с материнской любовью на заре вашей юности
вам дается обещание, которое жизнь никогда не выполняет...
Вы слишком рано прильнули к источнику и выпили его до дна.
Когда вас вновь охватывает жажда, вы вольны бросаться куда угодно,
источник иссяк — остались только миражи...
Ромен Гари [2]

Аннотация. На примере романа И.А. Гончарова “Обломов” анализируется специфика формирования в особых условиях воспитания архаичного варианта пограничной личностной структуры, характеризующийся ненасытными поисками любви, опасности, неуравновешенностью, а также апатией, инертностью, невозможностью целенаправленного поведения, произвольной регуляции, отсутствием устойчивой мотивации. Описывается психологический и психоаналитический механизм нарушения мотивации, связанный с ранним неограниченным удовлетворением любых потребностей, не предполагающим собственной активности субъекта. Рассматривается связь данной личностной структуры с патологическими формами поведения, идентификации, коммуникации и развития. Обсуждается специфика читательского восприятия главного героя и интерпретации его поведения.

Ключевые слова: психологический анализ литературных текстов, мотивация, идентичность, пограничная личностная структура.

DOI: 10.31857/S020595920000078-1

“Обломов” — самый странный роман в русской литературе (возможно, и не только в ней). Что это за книга, главный герой которой на протяжении всего текста не совершает ни одного поступка и занят только тем, чтобы избежать любого действия, к которому его принуждает все окружение и сама жизнь? При этом он столь изворотлив в избегании необходимых действий, что, кажется, на них ему бы потребовалось куда меньше энергии, чем на постоянные увливания.

Главная загадка заключается в странной аберрации читательского восприятия: читатель *сочувствует* герою, хотя для этого нет никаких оснований. Обломов ведет себя как избалованный ребенок, постоянно требующий заботы и ставящий других своим избеганием (которое скорее следовало бы назвать пассивно-агрессивным поведением) в сложные ситуации, предаёт всех, кого возможно. Приводит имение к разорению, верного Захара к необходимости

завершать жизнь у чужих людей, предаёт свою выдуманную любовь — Ольгу Ильинскую, свою жену — вдову Пшеницыну, ребенка от нее, которого должен воспитывать Штольц вместе с Ольгой, своих крестьян...

Но это не замечается, и каким-то таинственным образом Обломов превращается в жертву, в невинную душу, непонятую, загубленную жестоким миром. “Хочешь, я скажу тебе, отчего он тебе дорог, за что ты еще любишь его? <...> За то, в нем дороже всякого ума: честное, верное сердце! Это его природное золото; он невинно пронес его сквозь жизнь <...> Ни одной фальшивой ноты не издало его сердце, не пристало к нему грязи. Не обольстит его никакая нарядная ложь, и ничто не совлечет на фальшивый путь; пусть волнуется около него целый океан дряни, зла, пусть весь мир отравится ядом и пойдет навыворот — никогда Обломов не поклонится идолу лжи, в душе его всегда будет чисто, свет-

ло, честно... Это хрустальная, прозрачная душа; таких людей мало, они редки; это перлы в толпе! Его сердца не подкупишь ничем; на него всюду и везде можно положиться”¹ [3, с. 572]. Именно этот монолог Андрея Штольца, утешающего разочарованную и обманутую Ольгу Ильинскую, стал моделью читательского восприятия Обломова. Но здесь нужно сделать замечание: Штолец говорит это с иронией, даже с некоторым презрением: «Ужель не все тут? Что же еще? Ах!.. — очнувшись, весело прибавил потом. — Совсем забыл “голубиную нежность”...» [3, с. 572].

На самом деле Штольца заботит совсем другое: “Со dna души поднимался ужас тогда только, когда он вспоминал, что Ольга была на волос от гибели, что эта угаданная дорога — их два существования, слившиеся в одно, могли разойтись, что незнание путей жизни могло дать исполниться гибельной ошибке, что Обломов... Он вздрагивал. Как! Ольга в той жизни, которую Обломов ей готовил! Она — среди переползанья изо дня в день, деревенская барыня<...> Как же она вынесет эту жизнь? Сначала бьется, отыскивая и угадывая тайну жизни, плачет, мучится, потом привыкает, толстеет, ест, спит, тупеет...” [3, с. 572].

Итак, кто же такой Илья Ильич Обломов, каким непостижимым образом он стал героем, как оказался забыт читателем сладкий ужас *обломовщины*, создавшей такого героя, и постоянно появляющейся в романе в разных обличьях, но неизбежно, как огненные письма на пиру Валтасара? “Одно слово, — думал Илья Ильич, — а какое... ядовитое!...” [3, с. 240].

Что же это за обломовщина, и как она сгубила нашего героя? Роман состоит из четырех практически равных по объему, но не значению и качеству текста частей, не полностью совпадающих с авторским делением. Утро Обломова задает экспозицию романа и описывает его странный образ жизни. Безусловный шедевр внутри романа — “Сон Обломова” — дает ключ к пониманию психологии героя. И два романтических приключения, составляющих, собственно, интригу: довольно картонную и надуманную историю отношений с Ольгой Ильинской и историю странных, но куда более подлинных отношений с Агафьей Матвеевной Пшеницыной. Части явно неоднородны и воспринимаются как не до конца реализованная попытка создать линейное развитие сюжета. Возможно, это ощущение связано с тем, что роман писался не как связанный текст. В 1849 г. была опубликована самая художественно совершенная часть — “Сон Обломова”, окончательный же вариант проявился только в 1859 году, поскольку перед

И.А. Гончаровым стояла задача превращения зарисовки в полноценный роман.

ПЕРВЫЙ СОН ИЛЬИ ИЛЬИЧА

Роман начинается с пробуждения Обломова. “Это был человек лет тридцати двух-трех от роду, среднего роста, приятной наружности... нос отсутствием всякой определенной идеи, всякой сосредоточенности в чертах лица” [3, с. 27]. Пробуждение Обломова длится почти всю первую часть, поскольку сон и лежание — суть его образа жизни. “Лежание у Ильи Ильича не было ни необходимостью, как у больного или как у человека, который хочет спать, ни случайностью, как у того, кто устал, ни наслаждением, как у лентяя: это было его нормальным состоянием. Когда он был дома, — а он был почти всегда дома — он все лежал, и все постоянно в одной комнате...” [3, с. 29]. Т.е. это было его образом жизни, больше похожим на сон, чем “Сон Обломова”. Пробуждение никак не переходит в бодрствование, хотя ситуация требует действий: получено письмо от старосты, на которое нужно ответить, нужно заплатить по счетам, управляющий прислал дворника предупредить, что нужно съезжать с квартиры. Но письма от старосты не могут найти, счета теряются, а переезд превращается в неразрешимую проблему. «Обломов стал думать. Но он был в затруднении, о чем думать: о письме ли старосты, о переезде на новую квартиру, принятых ли сводить счета? Он терялся в приливе житейских забот и все лежал, ворочаясь с боку на бок. По временам только слышались отрывистые восклицания: “Ах, Боже мой! Трогает жизнь, везде достает”» [3, с. 40]. Решение ни по одной из проблем никак не принимается, ожидается некое сновидное разрешение событий: “...он бы желал, чтоб это сделалось как-нибудь так, незаметно, само собой...” [3, с. 38].

Пробуждение продолжается странным вставным эпизодом посещения Обломова его знакомыми, большая часть из которых в романе далее не появляется. Это выглядит настоящим дивертисментом, показывающим все виды абсурда возможного труда. Для сюжета романа эти посещения никакого значения не имеют, но создают “ловушку” оправдания безделья Обломова, в которую, возможно, и попадают все, кто считает, что для утонченного человека трудовая жизнь оскорбительна. Чиновник Волков, служащий в непонятном присутствии, демонстрирует первый вариант бессмысленной активности: бесконечные светские визиты. Это обоснованно пугает Обломова: “В десять мест в один день — несчастный! — думал Обломов. — И это жизнь!” [3, с. 45].

¹ Цитаты приводятся с сохранением оригинальных орфографии и пунктуации (по источнику [3]).

Дивертисмент продолжает сослуживец Обломова Судьбинский, сообщающий, что стал начальником отделения. Абсурд административного восторга доходит до уровня щедринской сатиры. «Ну что нового у вас? — спросил Обломов. — Да много кое-чего: в письмах отменили писать “покорнейший слуга”, пишут “примите уверение”; формулярных списков по два экземпляра не велено представлять. У нас прибавляют три стола и двух чиновников особых поручений... Много!» [3, с. 47].

Градус абсурда не снижается и с приходом следующего посетителя — журналиста Пенкина². «— ... умоляю вас, прочтите одну вещь; готовится великолепная, можно сказать, поэма “Любовь взяточника к падшей женщине”. Я не могу вам сказать, кто автор: это еще секрет. — Что же там такое? — Обнаружен весь механизм нашего общественного движения, и все в поэтических красках... Сюда, как на суд, созваны автором и слабый, но порочный вельможа, и целый рой обманывающих его взяточников; и все разряды падших женщин разобраны... француженки, немки, чухонки, и все, все с поразительной, животрепещущей верностью... Я слышал отрывки... — автор велик! в нем слышится то Дант, то Шекспир...» [3, с. 52]. Абсурд нарастает, причем И.А. Гончаров, словно провидец, формулирует словами Обломова развитие русского критического реализма. «— Нет. Не все! — вдруг воспламенившись, сказал Обломов, — изобрази вора, падшую женщину, надутого глупца, да человека тут не забудь. Где же человечность-то? Вы одной головой хотите писать! — почти шипел Обломов. — Вы думаете, что для мысли не надо сердца? Нет, она оплодотворяется любовью. Протяните руку падшему человеку, чтобы поднять его, или горько плачьте над ним, если он гибнет, а не глумитесь. Любите его, помните в нем самого себя и обращайтесь с ним, как с самим собой, — тогда я стану вас читать и склоню перед вами голову... — сказал он, улегшись опять покойно на диван» [3, с. 54–55]. “Ночью писать — думал Обломов, — когда же спать-то? ... Да писать-то все, тратить мысль, душу свою на мелочи, менять убеждения, торговать умом и воображением, насиловать свою натуру, волноваться, кипеть, гореть, не знать покоя и все куда-то двигаться... И все писать, все писать, как колесо, как машина: пиши завтра, послезавтра; праздник придет, лето настанет — а он все пиши? ... Несчастный!” [3, с. 55].

На этот эпизод романа обычно обращают мало внимания, но Гончаров, возможно, специально ставит читателю ловушку: было бы слишком просто сказать, что Обломов лежит на ди-

ване, потому что лентяй. Кажется, что отношения с трудом у Обломова куда сложнее, и наивный читатель, не замечая пародийности текста, считает, что нежелание работать у Обломова имеет идейный характер или говорит о его “голубиной нежности”, что-то вроде: “Служить бы рад, прислуживаться тошно!” [4]. Это отношение к труду имеет глубокие семейные корни: отец Обломова считал, что забота о лишнем доходе — грех, и хоть занимал в жизни маленького Ильи мало места по сравнению с матерью, донес до него эту мысль. Здесь И.А. Гончаров задает антипротестантскую традицию русской литературы: «Когда русская литература изображает трудящегося, во всяком случае, деятельного, предприимчивого человека — будь то Чичиков, Штольц, Николай Ростов (в эпилоге “Войны и мира”), Разумихин или Лопухин, — то сама деятельность этих людей выступает как признак их ограниченности, непричастности к высшей правде» [6, с. 22].

Поэтому отношения с трудом, даже не в форме обеспечения себя, поскольку перед Обломовым такой проблемы не стояло, а в форме самореализации, наталкиваются на принципиальную проблему. “Обломов, дворянин родом, коллежский секретарь чином, безвыездно живет двенадцатый год в Петербурге... по смерти отца и матери он стал обладателем трехсот пятидесяти душ... Тогда он еще был молод, и если нельзя сказать, чтоб он был жив, то по крайней мере живее, чем теперь; еще он был полон разных стремлений, все чего-то надеялся, ждал много и от судьбы, и от самого себя... Но дни шли за днями, годы сменялись годами, пушок обратился в жесткую бороду... а он ни на один шаг не продвинулся ни на каком поприще...” [3, с. 86].

Суть проблемы формулируется Гончаровым ясно и просто, но все равно остается незамеченной читателем: “Жизнь в его глазах разделялась на две половины: одна состояла из труда и скуки — это у него были синонимы; другая — из покоя и мирного веселья” [3, с. 86]. Здесь начинается объяснение происхождения проблемы: понимания труда как обременения. “Он до того был проникнут семейным началом, что и будущая служба представлялась ему в виде какого-то семейного занятия, вроде, например, ленивого записывания в тетрадку прихода и расхода, как делал его отец” [3, с. 86–87].

Но реальность не соответствовала ожиданиям. Чиновники совсем не были одной семьей, а работа предполагала некоторые обязательства. Начальника он представлял себе кем-то вроде второго отца, но разочаровался в первый же день работы. В этих муках Обломов прослужил года два, отправил бумагу не в тот город и, не в

² Интересно, что все участники дивертисмента не имеют имен.

силах просто объяснить ошибку, прислал медицинское свидетельство и более не служил. Это начальный пункт понимания личностной структуры Обломова: требование безусловной любви и интерпретация любых отношений как не просто семейных, а симбиотических, составляет основу его пограничной личностной структуры, к которой с течением романа будут добавляться новые черты. Светская жизнь удалась чуть лучше. По молодости он пользовался даже успехом у женщин, но это ни к чему не привело, поскольку к сближению с женщинами ведут большие хлопоты. Обратим внимание и на этот момент, поскольку он нам понадобится для понимания отношений (вернее, их отсутствия) Обломова с женщинами.

“Что же он делал? Читал? Писал? Учился? Да: если попадет под руки книга, газета, он ее прочтет. Услышит о каком-нибудь замечательном произведении — у него явится позыв познакомиться с ним: он ищет, просит книги, и, если принесут скоро, он примется за нее, у него начнет формироваться идея о предмете; еще шаг — и он овладел бы им, а посмотришь, он уже лежит, глядя апатически в потолок, и книга лежит подле него недочитанная, непонятая” [3, с. 92–93]. Почти как с женщинами!

К знаниям у Обломова забавное отношение: поскольку они требуют усилий, а их использование неочевидно, то и неясно, зачем прилагать усилия для их получения. “Когда же жить? — спрашивал он опять самого себя. — Когда же, наконец, пускать в оборот этот капитал знаний, из которых большая часть еще ни на что не понадобится в жизни?” [3, с. 94]. Это постоянно повторяющийся в романе пассаж: зачем тратить усилия, если они не приносят *моментального* вознаграждения; усилия должны вознаграждаться *здесь и сейчас* — нарциссическое рассуждение маленького ребенка, и механизм формирования нарушений произвольной регуляции, которая в значительной степени направлена на деятельность, не приносящую сиюминутного удовлетворения. При этом вопрос “когда жить?” был бы уместен, если бы Обломов действительно в это время жил бурной жизнью, а не спал. Хорошо, можно согласиться с тем, что чиновничья или светская жизнь не подходят Обломову, но его дела постепенно приходят в запустение. После смерти стариков хозяйственные дела в деревне стали хуже. Илье Ильичу надо было самому съездить туда и на месте установить причину постепенного уменьшения доходов. “Он все собирался сделать это, но все откладывал, отчасти и потому, что поездка была для него подвигом...” [3, с. 97].

Жизнь же продолжается во сне и мечтах, носящих совершенно нарциссически-мегаломанический

характер. «Он любит вообразить себя иногда каким-нибудь непобедимым полководцем, перед которым не только Наполеон, но и Руслан Лазаревич ничего не значит; выдумает войну и причину ее: у него хлынут, например, народы из Африки в Европу, или устроит он новые крестовые походы и воюет, решает участь народов, разоряет города, щадит, казнит, оказывает подвиги добра и великодушия. Или изберет он арену мыслителя, великого художника: все поклоняются ему; он пожинает лавры; толпа гоняется за ним, восклицая: “Посмотрите, посмотрите, вот идет Обломов, наш знаменитый Илья Ильич!”» [3, с. 99]. Здесь поражают две вещи. Во-первых, детскость и фантастичность мечтаний, а во-вторых, то, что Илья Ильич, при его внешней “голубиной” скромности, на самом деле весьма высокого о себе мнения.

Нельзя сказать, что Обломов совершенно не осознавал, что его жизнь течет как-то не так, и у него не возникали бы “ясные сознательные минуты”. Что же произошло с ним, что же такое пугающая его *обломовщина*? “Кто-то будто украл и закопал в собственной его душе принесенные ему в дар миром и жизнью сокровища. Что-то помешало ему ринуться на попрание жизни и лететь по нему на всех парусах ума и воли. Какой-то тайный враг наложил на него тяжелую руку в начале пути и далеко отбросил от прямого человеческого назначения...” [3, с. 135]. Гончаров дает четкий ответ на этот вопрос, поскольку сразу же после этого эпизода начинается самая лучшая в художественном отношении, самая тонкая в психоаналитическом смысле и самая важная для понимания всего романа часть — “Сон Обломова”. Еще раз подчеркнем, что роман написан задолго до того, как появились психоаналитики. На момент выхода романа З. Фрейду было только три года. Но, с другой стороны, миф об Эдипе создали люди, которые тоже ничего не слышали о Фрейде. Дух веет, где хочет [1].

ВТОРОЙ СОН ИЛЬИ ИЛЬИЧА

“Где мы? В какой благословенный уголок земли перенес нас сон Обломова? Что за чудный край!” [3, с. 137]. Это действительно рай на земле, или, скорее, Утопия. Место, которое, с одной стороны, нигде не существует, а с другой — есть у многих, кому повезло: счастливый мир детства. Но здесь уж повезло так повезло! Обычно детство бывает идеальным “задним числом”, в нормальном детстве куча страданий, страстей и обид. Но не во сне Обломова! Это страна, где нет ни высоких гор, ни скал, ни пропастей, нет ничего грандиозного. Ни жары, ни лютого холода, весь уголок словно создан для “живописных

этидов”. Все тихо, все сонно в трех, четырех деревеньках, составляющих этот уголок. События, если и происходят, то как-то незаметно. В отсутствие страстей “забота о пище была первая и главная жизненная забота в Обломовке” [3, с. 151–152]. Потом наступал сон. “Это был какой-то всепоглощающий, ничем непобедимый сон, истинное подобие смерти” [3, с. 153]. Труд воспринимался как наказание, и, если возникала возможность его избежать, “всегда от него избавлялись, находя это возможным и должным”. День шел за днем, но ничего не менялось в раю.

Если реальность и касалась жителей Обломовки, то как-то странно. Смерть была не нормальным завершением жизни, а происходила от вынесенного из дома покойника головой, а не ногами, а пожар от того, что собака выла, искры же от лучины все также сбрасывали в щели гнилого пола. Поскольку рай идеален, любые перемены ни к чему. “Другой жизни и не хотели, и не любили бы они. Им бы жаль было, если бы обстоятельства внесли перемены в их быт, какие бы то ни были. Их загрызет тоска, если завтра не будет похоже на сегодня, а послезавтра на завтра” [3, с. 177].

Жизнь маленького Илюши была полным и совершенным счастьем, но это счастье иногда затуманивалась обидной реальностью, например, необходимостью учиться. Он начинает учиться у отца Штольца, для чего его возят в соседнее село. Правда, учение, как и любой труд, воспринималось как не очень обязательное зло, которого по возможности нужно избегать. Родители пользовались любимым предлогом, чтобы оставить маленького Илью дома, “посмотришь, Илья Ильич и отгуляется в полгода, и как вырастет в это время! Как потолстеет! Как спит славно! Не налюбуются на него в доме, замечая, напротив, что возвратясь в субботу от немца, ребенок худ и бледен” [3, с. 185]. Никаких не было обязанностей у ребенка. “Захочет ли чего-нибудь Илья Ильич, ему стоит только мигнуть — уже трое-четверо слуг кидаются исполнять его желание; уронит ли он что-нибудь, достать ли ему нужно вещь, да не достанет, принести ли что, сбегать ли за чем: ему иногда как резвому мальчику, так и хочется броситься, и переделать все самому, а тут вдруг отец и мать да три тетки в пять голосов и закричат: — Зачем? Куда? А Васька, а Ванька, а Захарка на что?...И Илюша с печалью оставался дома, лелеемый как экзотический цветок в теплице, и, также как последний под стеклом, он рос медленно и вяло. Ищущие проявления силы обращались внутрь и никли, увядая” [3, с. 187–188].

В этом отрывке содержится ключ к пониманию характера Обломова: полное отсутствие воли и страстей, несамостоятельность. Вариант пограничной личностной структуры, которая характеризу-

ется не ненасытными поисками любви, опасности, неуравновешенностью, а напротив, из-за “залюбленности”, — отсутствием всяких желаний, поскольку они с избытком были удовлетворены без всякой активности, для ее проявления даже не было предусмотрено места. На первый взгляд, идеальные условия для развития, но на самом деле они создают коллапс, поскольку не предусматривают для него ни цели, ни возможностей, ни минимального разрыва между потребностью в любви и ее получением, делая к тому же навсегда от нее зависимым.

Как парниковый цветок, помещенный в условия “идеальной” любви, ребенок теряет мотивацию развития и взросления, не формирует навыки самостоятельности, и, что самое главное, закрываются возможности вхождения в Эдипову стадию, поскольку ее прохождение оказывается избыточным. Более того, ребенок уже получил свое уникальное место маленького кумира. Дальнейшее развитие и попытки самостоятельности могут лишь поставить под удар дарованную позицию. Нужно просто оставаться “хорошим ребенком”, т.е. сохранять “голубиную нежность”. Взамен реальной жизни с ее опасностями приходят фантазии, “а может быть, сон, вечная тишина вялой жизни и отсутствие движения и всяких действительных страхов, приключений и опасностей заставляли человека творить среди естественного мира другой, несбыточный, и в нем искать разгула и потехи праздному воображению или разгадки обыкновенных сцеплений обстоятельств и причин явления вне самого явления” [3, с. 92].

Гончаров лучше любых педагогов видит опасности неограниченной родительской любви, рая Обломовки, оборачивающегося сладкой липкой бездной, где навсегда вязнет герой, и ужасом *обломовщины*. Психоанализ значительно позже замечает, что идеализация детства — частая причина любых перверсий, особенно связанных с “идеализацией пищеварительного тракта и обесцениванием генитального мира” [7]. И с фаллической матерью, которая внешне отнюдь не жестока, а, напротив, гиперпекающе обволакивает ребенка удушающей заботой [8]. Абсолютная любовь — это очень хорошо и приятно, но она исключает необходимость “нормальной травматизации”, заставляющей человека выходить за рамки комфортного существования. Эдипова проблематика в виде конкуренции, завоевательных амбиций, нарушения установленных норм не существовала, ибо в этом мире не было никакого закона, за исключением закона желания, т.е. воли, исключающей свободу воли ввиду ее избыточности. Воля — это все, что я хочу, а свобода воли предполагает наличие выбора и ответственности за него,

а здесь и выбора-то нет, поскольку мир построен по принципу удовольствия. Функция отца в романе совершенно отсутствует, если отец и существует, то не как ограничение, а напротив — потакание. Ее нет даже в виде лакановского “имени отца” — непреодолимого закона, вносящего символические ограничения и существующего в голове близких ребенка [9]. Отец Обломова никак не соответствует образу закона, скорее капризу. “Может быть, Ильюша уж давно замечает и понимает, что говорят и делают при нем: как батюшка его в плисовых панталонах, в коричневой суконной ваточной куртке, день-деньской только и знает, что ходит из угла в угол, заложив руки назад, нюхает табак и сморкается, а матушка переходит от кофе к чаю, от чая к обеду; что родитель и не вздумает никогда поверить, сколько копен скошено или сжато, и взыскать за упущение, а подай-ко ему нескоро носовой платок, он накричит о беспорядках и поставит вверх дном весь дом” [3, с. 163–164].

Помимо безволия, зависимости, отсутствия сильных чувств подобный стиль воспитания формирует и крайнюю степень нарциссизма, также ограничивающего активность или нормальную амбициозность: приоритетное место уже и так занято, а любое соревнование может поставить право на него под сомнение, поэтому его нужно любой ценой избегать. Поразительно точное понимание этого психоаналитического феномена демонстрирует Гончаров в разговоре Обломова с Захаром, выполняющим при нем роль опекающей матери, на тему Другого. «— Я думал, что другие, мол, не хуже нас, да переезжают, так и нам можно... — сказал Захар.— Что? Что? — вдруг с изумлением спросил Илья Ильич, приподнимаясь с кресел. Что ты сказал?.. — Другие не хуже! — с ужасом повторил Илья Ильич. — Вот ты до чего договорился! Я теперь буду знать, что я для тебя все равно что “другой”!... — Я *другой!* Да разве я мечтаю, разве работаю? Мало ем, что ли худошав или жалок на вид? Разве недостает мне чего-нибудь? Кажется, подать, сделать — есть кому! Я ни разу не натянул себе чулок на ноги, как живу, слава Богу!.. Так как у тебя достало духу ровнять меня с другими?» [3, с. 129–130]. Диалог о Другом занимает несколько страниц, и смысл его очевиден: для Обломова непереносимо существование кого-либо еще в его мире, его нельзя ни с кем сравнивать. Правда, неясно, почему? Потому ли, что он занимает свое законное место, или потому, что может выясниться, что оно не заслужено?

Иной вариант воспитания демонстрирует друг детства Обломова Андрей Штольц. “Привели Андрея — но в каком виде: без сапог, с разорванным платьем, с разбитым носом или у него

самого, или у другого мальчишки” [3, с. 202]. Отец воспитывает у Андрея самостоятельность самыми жесткими способами, несмотря на сопротивление жалеющей его матери. Сепарация Штольца происходит рано, отец отправляет его одного в Петербург. Здесь реализуется совсем иная бессознательная модель: “А отчего нужно ему в Петербург, почему не мог он остаться в Верхлеве и помогать управлять имением, — об этом старик не спрашивал себя, он только помнил, что когда он окончил курс учения, то отец отослал его от себя” [3, с. 208]. Нет и всепоглощающей любви. “Каков щенок: ни слезинки! — говорили соседи... — А старый-то нехристь хорош! — заметила одна мать. — Точно котенка выбросил на улицу: не обнял, не взвыл!” [3, с. 219].

Андрей Штольц — ровесник Обломова, друг детства, но в отличие от него служил, вышел в отставку, занялся делами, нажил дом и деньги. Живой, весь составленный из костей, мускулов и нервов, не романтичный и не склонный к бесплодным фантазиям. Тип, не вызывающий симпатий у отечественного читателя. При этом еще большой вопрос — почему? Потому ли, что у Гончарова это действительно очень умственная фигура, или все же потому, что он не совпадает с романтическими ожиданиями от героя и слишком земной? “Мечте, загадочному, таинственному не было места в его душе. То, что не подвергалось анализу опыта, практической истины, было в глазах его оптический обман, то или другое отражение лучей и красок на сетке органа зрения или же, наконец, факт, до которого еще не дошла очередь опыта” [3, с. 213]. Тип он хотя и неплохой, но “тмы низких истин мне дороже нас возвышающий обман...” [5]. И ничего, наверное, здесь не поделаешь. Жизнь Штольца не поэтична, но если честно, то жизнь Обломова тоже: “Знаешь ли, Андрей, в жизни моей ведь никогда не загоралась никакого, ни спасительного, ни разрушительного огня? Она не была похожа на утро, на которое постепенно падают краски, огонь, которое потом превращается в день, как у других, и пылает жарко <...> Нет, жизнь моя началась с погасания” [3, с. 213].

Штольц в романе выполняет странную, но необходимую роль. Он некто вроде отсутствовавшего у Обломова подлинного Отца: выручает его в трудных обстоятельствах, пытается вернуть к активной жизни, решить его житейские проблемы, познакомить с женщиной и, наконец, выполняет за него невыполненные жизненные обязательства. Воспитывает его сына и пригревает Захара — субститутивную мать Обломова. Но его отцовские функции не очень реализуются: во-первых, слишком поздно, во-вторых, он детский друг Обломова, что заведомо ставит его в невыигрышную позицию.

ТРЕТИЙ СОН ИЛЬИ ИЛЬИЧА

В попытках встряхнуть Обломова Штольц знакомит его с Ольгой Ильинской. Начинается странная любовная история. Ее странность состоит прежде всего в том, что романтические отношения Обломова и Ильинской от начала до конца выдуманы: история любви была нужна Гончарову, чтобы превратить “Сон Обломова” в полноценный роман (в ту эпоху всякий настоящий роман предполагал обязательную любовь). Выдуманы не в том смысле, как выдуман весь роман, — они с самого начала безжизненны. Но как подлинный художник Гончаров все равно насыщает придуманную историю проскальзывающей бессознательной правдой. Обломов влюбляется в Ольгу, когда она поет арию “*Casta diva*”³. Ирония в том, что эта ария чуть раньше вспоминается Обломовым как сопровождение деревенского ужина котлетами с грибами в деревне в сцене его мечты об идиллической семейной жизни. В ней же появляется и тень другой героини — вдовы Пшеницыной. “...Там толпа босоногих баб, с серпами, голосят... Одна из них, с загорелой шеей, с голыми локтями, с робко опущенными, но лукавыми глазами, чуть-чуть, для виду только, обороняется от барской ласки, а сама счастлива... тс!.. жена чтоб не увидела, Боже сохрани!” [3, с. 232]. Ольга непрерывно поет “*Casta diva*”, пытается расшевелить Обломова, дает ему книги для чтения, заставляет приезжать в гости, ходить в театр, не понимая до конца, в какую историю она попала, но чувствуя неловкость своих отношений с Обломовым, напоминающих Пигмалиона и Галатею. В которых она явно играет мужскую роль, являясь фаллической женщиной. Пересказать роман Ольги и Обломова практически невозможно, поскольку этот роман полностью выдуман и существует только в головах его героев. Эту довольно значительную по объему часть романа скучно читать: там нет ни подлинного действия, ни подлинной страсти, ни даже простого чувства. “Голубиная нежность” Обломова — не что иное, как отсутствие либидо. Характер любви к Ильинской можно увидеть в эпизоде, когда Ольга, расстроенная тем, что давно не встречается с Обломовым, передает ему письмо. “Не хочу ждать до среды (писала Ольга — *А.Т.*), мне так скучно не видеться подолгу с вами, что завтра непременно жду вас в три часа в Летнем саду... —И в самый обед: нашла время!— думал он, направляясь, не без лени, к Летнему саду” [3, с. 407–408].

³ Странность заключается и в том, что либретто “Нормы” написано по трагедии Александра Суме (*Alexandre Soumet*) “Норма, или Детоубийство” (“*Norma, ossia L’infanticidio*”), где дочь верховного друида Норма изменила своей религии, нарушила обет целомудрия, родила двух сыновей и хочет их убить. Не уверен в том, что же Гончаров имел в виду, но для любителей психоаналитической эквилибристики это интересная подробность.

Если кто-то еще полагает, что Обломов любит Ильинскую, то как он интерпретирует этот эпизод? Обед важнее любви? Или, точнее, любви никакой не было, поскольку любовь для Обломова — это вариант регулярного питания. От одной мысли о возможности развития отношений с Ильинской Обломов охватывает паника. “— Стало быть, свадьба-то после рождества будет? — прибавил Захар. — Какая свадьба? — вдруг встав, спросил Обломов. — Известно какая: ваша! — отвечал Захар положительно, как о деле давно решенном. — Ведь вы женитесь? — Я женюсь! На ком? — с ужасом (!? — *А.Т.*) спросил Обломов, пожирая Захара изумленными глазами” [3, с. 398].

Неубедительны и изменения, которые происходят в Обломове под влиянием Ольги Ильинской. “Он догнал жизнь, то есть усвоил опять все, от чего отстал давно; знал, зачем французский посланник выехал из Рима, зачем англичане посылают корабли с войском на Восток; интересовался, когда проложат новую дорогу в Германии или Франции. Но насчет дороги через Обломовку в большое село не помышлял, в палате доверенность не засвидетельствовал и Штольцу ответа на письма не прислал” [3, с. 343]. Это практически калька занятий отца Обломова, который тоже толком не занимался хозяйством, но зато следил за “политикой”.

До свадьбы дело не дошло, разрыв оказался для Ильинской невероятно унизителен. В нем в полном объеме проявились ключевое свойство характера Обломова: пассивно-агрессивное поведение. «Обломов боялся, чтобы ему не пришлось идти по мосткам на ту сторону, спрятался от Никиты (одного из слуг Ольги, посвященных в историю любви, — *А.Т.*), написал в ответ, что у него сделалась маленькая опухоль в горле, что он не решается еще выходить со двора, и что “жестокая судьба” лишает его счастья еще несколько дней видеть “ненаглядную Ольгу”» [3, с. 422].

В это же время начинается второй роман Обломова — с Агафьей Матвеевной Пшеницыной, в дом которой против своей воли (вернее, при ее отсутствии) он переезжает со своей квартиры. Незаметная сначала Агафья Матвеевна постепенно занимает все большее и большее место в жизни Обломова, используя беспроектное оружие для любого, кто жил в Обломовке — еду. Вначале возникает сексуальный фетиш Обломова — локти. “Он успел увидеть какую-то женщину, с голой шеей и локтями...” [3, с. 371]. “Молчание. Обломов любовался ее полными, круглыми локтями” [3, с. 393]. Это те же локти, что возникли еще в первой части романа в разговоре со Штольцем. Напомним, что это проис-

ходит параллельно с романом с Ольгой, и, конечно, еда побеждает “*Casta diva*”. «Илья Ильич встанет утром в девять... потом примется за кофе. Кофе все такой-же славный, сливки густые, булки сдобные, рассыпчатые...Потом примется за сигару и слушает внимательно, как тяжело кудахтает наседка, как пищат цыплята, как трещат канарейки и чижи. Он не велел убирать их: “Деревню напоминает, Обломовку”, — сказал он» [3, с. 391]. Всё, ловушка обломовщины захлопнулась! Обломов нашел свою судьбу, хотя еще и не понял этого.

Пассивно-агрессивное избегание Ольги Обломовым постепенно приводит к ожидаемому разрыву, но он, как, впрочем, и всегда, избегает принятия решения. “— Я все объясню тебе, Ольга, — оправдывался он, — важная причина заставила меня не быть две недели... я боялся...<...> толков, сплетней...<...> — Если бы я не знала тебя, — в раздумье говорила она, — я бог знает что могла бы подумать. Боялся тревожить меня толками лакеев, а не боялся мне сделать тревогу!” [3, с. 431–432]. Только здесь Ольга понимает, что такое на самом деле “голубиная нежность” Обломова. “Нежен, нежен, нежен! — мысленно твердила Ольга, но со вздохом, не как бывало в парке, и погрузилась в глубокую задумчивость” [3, с. 437]. Ольга начинает подозревать, что вся ее любовь к Обломову — игра воображения. Потом, после признания Штольца, она это окончательно поймет: “Суд настал! Нельзя играть в жизнь, как в куклы” [3, с. 507].

Тем временем брат Агафьи Матвеевны и странный друг Обломова Тарантьев, воспользовавшись все той же “голубиной нежностью” героя, заставляет его подписать доверенность на дела. Конечно, это тоже можно объяснить нежеланием входить в низменные подробности жизни, но скорее это все же злокачественный инфантилизм и желание переложить ответственность на другого⁴.

ЧЕТВЕРТЫЙ СОН ИЛЬИ ИЛЬИЧА

Начинается последняя часть романа, похожая на агонию. После разрыва с Ольгой Обломов заболевает, выздоравливает, дела его все больше приходят в упадок, разворачивается его последний роман с вдовой Пшеницыной. “Но только Обломов ожил, только появилась у него добрая улыбка, только он начал смотреть на нее по-прежнему ласково, заглядывать в дверь и шутить — она опять пополнела, опять хозяйство ее пошло живо... А теперь, когда Илья Ильич сделался членом ее семьи, она и толчет и сеет ина-

че” [3, с. 469]. Обломов окончательно и бесповоротно попадает в ловушку *обломовщины*, в руки второй фаллической матери, куда он, впрочем, всегда стремился. “Никаких понуканий, никаких требований не предъявляет Агафья Матвеевна. И у него не рождается никаких самодовольных желаний, порывов, стремлений на подвиги, мучительных терзаний о том, что уходит время, что гибнут его силы, что ничего не сделал он, ни зла, ни добра, что празден он и не живет, а прозябает. Его как будто невидимая рука посадила, как драгоценное растение, в тень от жара, под кров от дождя и ухаживает за ним, лелеет” [3, с. 474–475]. Вспомним “экзотический вялый цветок в теплице” из “Сна Обломова”. Дела идут все хуже и хуже, пока Штолец — субститут отца — не берет все на себя. Он же ставит и диагноз: “Ты свое уменье затерял еще в детстве, в Обломовке, среди теток, нянек и дядек. Началось с неуменья надевать чулки и закончилось неуменьем жить” [3, с. 484].

Начинается последний сон, похожий на смерть, правда, за это время Обломов успевает прижить ребенка от Агафьи Матвеевны, откармливающей его как рождественского гуся. Но это тоже род любви, вариант материнского кормления. Та самая оранжерея его детства, та любовь матери, которая не просто начинает напоминать инцест, а в него переходит. “Боже мой! Как все мрачно, скучно смотрело в квартире Обломова года полтора спустя после именин, когда нечаянно приехал к нему обедать Штолец. И сам Илья Ильич обрюзг, скука въелась в его глаза и выглядывала оттуда, как немочь какая-нибудь” [3, с. 521]. Но он вполне счастлив, поскольку после вмешательства Штольца в его дела снова появилась хорошая еда. Любовь к Ольге забыта. «— Да выпей, Андрей, право, выпей: славная водка! Ольга Сергеевна тебе такой не сделает! — говорил он нетвердо. — Она споет тебе “*Casta diva*”, а водки сделать не умеет так! И пирога такого с цыплятами и грибами не сделает! Так пекли бывало, только в Обломовке, да вот здесь!» [3, с. 535]. Здесь, как в Обломовке, ему “удавалось дешево отделяться от жизни, выторговывать у ней и застраховать себе невозмутимый покой” [3, с. 579]. Этот покой очень сильно напоминает нирвану, а еще больше — смерть. “С летами волнения и раскаяние являлось реже, и он тихо и постепенно укладывался в гроб остального своего существования, сделанный собственными руками, как старцы пустынные, которые, отворотясь от жизни, копают себе могилу” [3, с. 580]. “Грезится ему, что он достиг той обетованной земли, где текут реки меду и молока, где едят незаработанный хлеб, ходят в золоте и серебре” [3, с. 587]. Так и закончилась, не начавшись, жизнь Ильи Ильича Обломова,

⁴ Здесь понятие другого, нечто вроде Захара, допустимо, ибо он осуществляет функцию помощи.

навечно оставшегося в Обломовке своего детства, захваченного в силки незаслуженной и идеальной материнской любви. Сын Обломова, маленький Андруша, воспитывается у Штольца, у него же находит приют слепой Захар.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Странность романа не в самой истории, а в том, почему большинство читателей считает, что Обломов — очень хороший человек, а его детство — это то, о чем должен мечтать любой. Каждый читатель проецирует детство Обломова на себя: тебя все любят, кормят, что хочешь, то и делаешь, в школу можно не ходить, чулок не надевать самому — детский вариант рая. Если сравнить Обломова с инфантильными героями “Вишневого сада”, то разница очевидна. Герои Чехова вступили в Эдипову фазу, свободу и удовольствия получили, правда? фаза осталась незавершенной — отвечать за себя они не научились. Случай Обломова более архаичен и груб. Реальность для него практически не существует, мир, как сон, устроен по принципу удовольствия. Так и остался он навсегда в детстве, не включаясь в игры взрослых с их конкуренцией, ответственностью, игры, подчиненные принципу реальности. Конечно, есть издержки: в этом мире нет ни реальной сексуальности, ни успеха, но нет и поражения, отвержения. Кому что. Илья Ильич выбирает вечное детство, и как его можно за это осудить? Правда, несколько близких

ему людей расплачиваются за его выбор, но это легко забыть, есть на всякий случай Андрей Штолец. Долг требует отречения от сиюминутного удовольствия, откладывания удовлетворения “на потом”, без гарантии, что оно когда-нибудь реализуется. Куда лучше рай Обломовки, где удовольствия получают здесь и сейчас. Рай, который при ближайшем приближении оборачивается адом. “— Отчего погибло все? ... Кто проклял тебя, Илья? Что ты сделал? Ты добр, умен, нежен, благороден...и ты гибнешь! Что сгубило тебя? Нет имени этому злу...— Есть, — сказал он чуть слышно... Обломовщина!..” [3, с. 460].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Библия. Евангелие от Иоанна. М.: Российское библейское общество, 2006.
2. Гари Р. Обещание на рассвете. М.: Симпозиум, 1997.
3. Гончаров И.А. Обломов. СПб.: Азбука-классика, 2010.
4. Грибоедов А.С. Горе от ума. М.: АСТ, 2015.
5. Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 тт. М.: ГИХЛ, 1959–1962. Т. 2.
6. Энттейн М. Ирония идеала. М.: Новое литературное обозрение, 2015.
7. Chasseguet-Smirgel J. Éthique et esthétique de la perversion. Seyssel: Éd. du Champ Vallon, 1984.
8. Lacan J. Ecrits. Paris: Seuil, 1966.
9. Lacan J. Le séminaire, XVII. L'envers de la psychanalyse. Paris: Seuil, 1991.

OBLOMOV, OR THE PRISON OF LOVE

A. Sh. Tkhostov

*Lomonosov Moscow State University; 125009, Moscow, Mokhovaya str., 11/9, Russia.
Sc. D. (psychology), head of Department of clinical psychology.
E-mail: tkhostov@gmail.com*

Received 24.09.2017

Abstract. By the example of the novel “Oblomov” by I.A. Goncharov the peculiarity of the formation of an archaic version of borderline personality structure under special conditions is analyzed. It is not characterized by an insatiable search of love and hazard as well as imbalance but by apathy, sluggishness, disability for purposeful behavior, voluntary regulation and lack of sustainable motivation. It describes the psychological and psychoanalytical mechanism of motivation disturbance related to an early satisfaction of any needs providing no activity to the subject on his own. It considers the connection of that personality structure with some pathological forms of behavior, identification, communication and development. It discusses the specific of a reader’s perception of the main character and the interpretation of his conduct.

Keywords: the psychological analysis of literary texts, motivation, identity, borderline personality structure.

REFERENCES

1. Biblija. Evangelie ot Ioanna. Moscow: Rossijskoe biblejskoe obshhestvo, 2006. (in Russian)
2. Gari R. Obeshhanie na rassvete. Moscow: Simpozium, 1997. (in Russian)
3. Goncharov I.A. Oblomov. St. Petersburg: Azbuka-klassika, 2010. (in Russian)
4. Griboedov A.S. Gore ot uma. Moscow: AST, 2015. (in Russian)
5. Pushkin A.S. Sbranie sochinenij v 10 tt. Moscow: GIHL, 1959–1962. V. 2. (in Russian)
6. Jepshtejn M. Ironija ideala. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. (in Russian)
7. Chasseguet-Smirgel J. Éthique et esthétique de la perversion. Seyssel: Éd. du Champ Vallon, 1984.
8. Lacan J. Ecrits. Paris: Seuil, 1966.
9. Lacan J. Le séminaire, XVII. L'envers de la psychanalyse. Paris: Seuil, 1991.